

**Гольбах Поль, Гельвеций Клод, Дени
Дидро, Ламеттри Жюльен**

Да скроется тьма!

**Документальный, сборник,
религиоведение, философия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Г63

Гольбах Поль
Г63 Да скроется тьма!: Документальный, сборник, религиоведение, философия / Гольбах Поль, Гельвеций Клод, Дени Дидро, Ламеттри Жюльен – М.: Книга по Требованию, 2012. – 302 с.

ISBN 978-5-458-36085-2

Книга представляет собой тематический сборник, в который включены сгруппированные по проблемам фрагменты из произведений выдающихся французских материалистов XVIII в. Гольбаха, Дидро, Гельвеция, Ламеттри. Работы этих замечательных мыслителей прошлого, которые вели бескомпромиссную борьбу против религии и церкви, сохраняют свое значение и в наши дни!

ISBN 978-5-458-36085-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мени на высшую ступень своего развития, главной чертой которой является последовательно материалистическое объяснение природы и полное отрицание каких бы то ни было теоретических оснований и практических интересов для того, чтобы мыслящий человек верил в бога.

В конце 40-х годов к последовательному материализму подошел Дени Дидро (1713—1784), выдвинувший целый ряд плодотворных идей. Свой вклад в развитие материалистической мысли внесли два крупнейших французских философа: Клод Гельвеций (1715—1771), стремившийся на основе сенсуалистической гносеологии разработать новую нравственно-политическую концепцию, и Поль Гольбах (1723—1789), которому принадлежит заслуга детальной разработки всех аспектов материалистического учения. Высоко оценивая философские достижения этой плеяды мыслителей, Энгельс назвал их «великими французскими материалистами». Их учениками, соратниками и последователями были атеистически настроенные французские просветители младшего поколения — Нэжон, Марешаль, Вольней, Дюпюи и др.

Материализм названных французских философов носил воинствующий характер. Они вели острую наступательную борьбу не только против всевозможных форм идеализма, но и, как подчеркивал Маркс, «против существующей религии и теологии»¹, подвергая уничтожающей критике как различные их проявления, так и (это особенно важно) саму их суть, отрицая все религиозное мировоззрение в целом.

В лоне французского материализма XVIII в. можно выделить определенные этапы становления последовательного атеизма. Совершенно не приемля по философско-научным соображениям религию, Ламеттри, например, еще не помышлял о распространении атеизма в массах и не создавал произведений, которые бы специально пропагандировали его. Он разделял убеждение ряда предшествующих материалистов об атеизме как о предназначенном лишь для немногих интеллектуальных избранников учения. Гельвеций в своем первом крупном сочинении «Об уме» (1758) столь тщательно маскировал атеистическую направленность защищаемого им философско-этического учения, что в нем практически отсутствует прямая критика религии. Даже в подготовленной им незадолго до смерти итоговой работе «О человеке», опубликованной уже после кончины филосо-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 139.

фа (1772), Гельвеций заявляет, что выступает только против «ложных религий». Сопряженная с этим возможность иллюзий о существовании некоей «истинной религии» укрепляется известной двойственностью отношения Гельвеция к христианству. С одной стороны, он предельно резко критикует «папизм», т. е. католическую церковь, а с другой стороны, делает неоправданные реверансы в сторону евангельского христианства. Пытаясь оградить себя от нападков со стороны богословов, Гельвеций подчеркивал, что он нигде в своем сочинении не оспаривает основные догматы христианства.

Значительно последовательнее был атеизм Дидро и Гольбаха. Видя очень большие трудности в деле искоренения религиозных верований из сознания народных масс, оба мыслителя тем не менее твердо взяли курс на решение этой задачи. Сознательно, целеустремленно и самоотверженно они стремились к максимально широкому распространению в обществе атеистических идей. В их понимании атеизм может и должен стать учением, доступным каждому обладающему здравым смыслом человеку. Для популяризации атеистических идей Дидро насыщает ими свои многочисленные художественные произведения. Чтобы придать популярную форму собственно философским работам, Дидро зачастую пишет их в форме диалогов, где в качестве собеседника обязательно фигурирует личность, впервые общающаяся к размышлению над мировоззренческими проблемами.

Иной путь популяризации атеизма избирает Гольбах. Используя традиционную форму философского трактата, где аргументированное размышление последовательно переходит от одной проблемы к другой, Гольбах достигает популярности своих работ за счет четкого разъяснения исходных понятий. Гольбах никогда не позволяет себе просто излагать какие-то истины — он всегда их обосновывает. Интерес читателя постоянно поддерживается Гольбахом на должном уровне в силу того, что самые, казалось бы, абстрактные онтологические и гносеологические проблемы он стремится связать с животрепещущими вопросами о том, в чем заключается причина человеческих бедствий и страданий, что такое человеческое счастье и как найти верные пути к его достижению.

На протяжении примерно полутора десятилетий, охватывающих период 60-х и начала 70-х годов XVIII в., Гольбах создал целый цикл замечательных атеистических работ,

в которых оружие передовой философско-научной мысли обрушилось с колоссальным эффектом на все сколько-нибудь важные устои религиозного мировоззрения и религиозной практики. От начала до конца пронизано воинствующим атеизмом основное философское произведение Гольбаха — «Система природы» (1770), которое имеет основополагающее значение для всего французского материализма XVIII в. По интенсивности, концентрированности и неутомимости атак на религию Гольбаха можно сравнить только с патриархом французского просветительского движения Вольтером, однако последний, будучи деистом, значительно уступает Гольбаху по степени радикальности критического подхода к религии.

Взлет атеистической активности Гольбаха приходится на период общей резкой интенсификации просветительской борьбы с религией и церковью. Именно в эти годы Вольтер выступил с призывом «Раздавите гадину!», создав свои ярчайшие антиклерикальные, антихристианские памфлеты и наполненный антирелигиозным содержанием «Философский словарь» (1764). К началу 60-х годов относятся весьма резкие выступления против христианства Руссо, содержащиеся в его романе «Эмиль, или О воспитании» (1762) и в философско-социальном трактате «Об общественном договоре» (1762). В этот период публикуется и большое число более ранних антирелигиозных произведений, распространявшихся до той поры лишь в рукописных копиях.

Начавшийся в 60-е годы штурм твердыни религиозной веры развивался в высшей степени успешно, вызывая у просветителей чувство законного удовлетворения, а у их противников — нечто вроде панического ужаса. В одном из вольтеровских писем 1764 г. содержится замечательное предвидение социальных результатов, к которым вела деятельность просветителей: «Все, что я вижу, сеет семена революции, которая неизбежно придет... Свет понемногу настолько распространится, что воссияет при первом же случае. Тогда произойдет изрядная кутерьма. Молодые люди поистине счастливы — они увидят прекрасные вещи»¹.

По-своему очень показательно с точки зрения успехов просветительской пропаганды обвинительное заключение, с которым в 1770 г. выступил против нескольких книг Гольбаха и одной книги Вольтера королевский прокурор Сегье (на основании этого обвинения названные книги были

¹ Voltaire — à Chauvelin, 2 avril. 1764. Voltaire's Correspondence, v. LIV, p. 231, № 10968.

осуждены Парижской судебной палатой на сожжение). Прокурор говорил о том, что «впервые со времени уничтожения ересей... поднялась безбожная и дерзкая секта; она украсила свою ложную мудрость именем философии... Ее сторонники выдвигаются как учителя человеческого рода. Свобода мыслить — вот их девиз, и он слышен от одного конца земли до другого. Одной рукой они пытались свалить трон, а другой хотели опрокинуть алтари... Самые гибельные удары эти новаторы старались нанести религии... Ныне религия насчитывает почти столько же открытых врагов, сколько имеется так называемых философов, славу образования которых приписывает себе литература; а правительство вынуждено трепетать и терпеть у себя воинствующую секту неверующих, которая, кажется, стремится только к тому, чтобы возмутить народы под предлогом их просвещения»¹. Любопытно признание Сегье о широком проникновении антирелигиозных книг в социальные низы французского общества и чрезвычайно опасном (с точки зрения королевского прокурора) воздействии на последние: «Едва становятся известны они столице, как распространяются, подобно бурному потоку, в провинциях, сметая все на своем пути. Осталось мало убежищ, которые свободны от заразы. Она проникла в мастерские и достигла хижин; скоро там не будет больше ни веры, ни религии»².

По своему социальному содержанию французское просвещение XVIII в. представляло собой идеологическую подготовку буржуазной революции, которая до основания разрушила феодально-абсолютистский строй. Сила, острота и глубина атеизма великих французских просветителей не могут быть поняты без учета того, что он в своем возникновении и развитии оказался неразрывно связан с самым прогрессивным социальным движением своей эпохи. Нужно подчеркнуть, что разоблачение религиозных иллюзий отнюдь не носило характера абстрактного просветительства, не представлялось самодовлеющей задачей, а сознательно включалось носителями этой критики в целостное и всестороннее идейное ниспровержение существовавшего во Франции строя. По блестящей характеристике Энгельса, «великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне

¹ Seguiet. Réquisitoire sur lequel est intervenu l'Arrêt du Parlement du 18 août 1770 qui condamne à être brûlés différents livres ou brochures... Paris, 1770, p. 2—4.

² Ibid., p. 5—6.

революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике... Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову, сначала в том смысле, что человеческая голова и те положения, которые она открыла посредством своего мышления, выступили с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречившая этим положениям, была фактически перевернута сверху донизу. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам...»¹.

Имелись серьезнейшие объективные основания для того, чтобы критика религии и церкви приобрела во Франции XVIII в. значение важнейшего компонента идеологической борьбы против всего феодально-абсолютистского строя. Дело в том, что в средние века христианская церковь стала одним из основных институтов феодального общества в европейских странах. В экономическом отношении она была, как отмечал Энгельс, «самым крупным феодальным сеньором, потому что ей принадлежало не менее третьей части всех земельных владений в католических странах»². В политическом отношении духовенство считалось первым сословием феодального общества и вместе с дворянством образовывало его привилегированный слой, возвышавшийся над бесправным и эксплуатируемым третьим сословием, объединявшим в своих рядах подавляющую часть населения. Епископат оказывал самое непосредственное влияние на политику, проводимую светскими владыками — князьями, королями, императорами. Во Франции XVII—XVIII вв. высшие церковные сановники временами на длительные периоды становились фактическими правителями государства в роли первых министров или регентов при несовершеннолетних королях, — эти посты последовательно занимали кардиналы Ришелье, Мазарини, Флери. Большую политическую роль играли духовники монархов, их фаворитов и фавориток, имевшие возможность постоянно внушать своим подопечным те взгляды, которые соответствовали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 16—17.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 306.

интересам церкви. Активнейшую политическую роль в католическом мире играли папы, которые нередко возвышались до такого положения, что имели возможность авторитарно диктовать свою волю различным европейским монархам. Серьезнейшее значение имел тот факт, что римско-католическая церковь была «крупным интернациональным центром феодальной системы», и, «несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с схизматическим грекоправославным, так и с мусульманским миром»¹.

Важнейшую роль христианская церковь играла в идеологическом обосновании феодализма. «Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати»². Церковь учила о «божественном праве» феодальных властителей на управление народами. Иерархическая структура феодального общества рассматривалась соответствующей строеанию «небесного царства», а на земле церковь «свою собственную иерархию... установила по феодальному образцу...»³. Всякое посягательство на основы феодально-абсолютистских порядков квалифицировалось церковью как грех перед богом, нарушение религиозных заповедей. Чрезвычайно существенным является то обстоятельство, что в средние века церковь поставила под свой контроль всю систему образования и самые различные отрасли знания. «Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»⁴. Все это, вместе взятое, приводило к тому, что любое выступление против феодализма неизбежно оказывалось направленным и против авторитета господствовавшей в обществе церкви.

Сконцентрированная на бескомпромиссной критике римско-католической церкви, деятельность французских просветителей способствовала решению важнейшей идеологической задачи, следующим образом охарактеризованной Энгельсом: «Прежде чем начать успешную борьбу против светского феодализма в каждой стране и в отдельных его сферах, необходимо было разрушить эту его центральную

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 306.

² Там же.

³ Там же.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 495.

священную организацию»¹. Просветители прекрасно выразили ту ненависть к паразитизму, вызывающей роскоши и циничному аморализму верхушки католического духовенства, которой были преисполнены массы населения. Они показали, что все эти черты являются закономерным следствием положения, которое духовенство занимает в обществе. Оформив и обосновав все эти чувства протеста, просветители придали им новую силу.

* *
*

Атеистическая деятельность великих французских материалистов развертывалась по нескольким магистральным направлениям, которые в совокупности подрывали самые существенные религиозные представления. На первое место по своей важности должна быть поставлена критика французскими материалистами философско-теоретических оснований религии. Именно в ходе критики этих оснований Ламеттри, Дидро, Гельвеций, Гольбах преодолели ограниченность деизма и подняли материализм на качественно новую ступень.

Французские материалисты установили, что универсальной философской основой религии является спиритуализм, т. е. учение о том, что «чистый дух» является первоосновой и сущностью всякого бытия и что этот дух каким-то образом творит материальный мир и определяет все происходящие в нем события. В разряд спиритуализма французские материалисты зачисляли все течения и школы идеалистической философии, а основоположником этого направления философской мысли считали Платона. Этот первый обобщенный взгляд на идеализм позволил выявить его существенную и неразрывную связь с религией. Французские материалисты выделили две формы этой связи. Во-первых, они указывали на то, что древнейшие формы спиритуализма, к которым наряду с платонизмом был отнесен и пифагореизм, выросли на почве мифологии, являлись результатом попыток выразить религиозное содержание в форме рационального рассуждения. Во-вторых, французские материалисты обратили внимание на обратное и очень мощное воздействие спиритуализма на вновь возникающие религии, в частности на христианство, в котором критический анализ обнаруживал многочисленные идеи платонизма и пифаго-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 306.

реизма. К отличительным чертам спиритуализма французские материалисты отнесли и его недоверие к научному знанию, прямую несовместимость с последним.

В качестве единственно верной философии в трудах Ламеттри, Дидро, Гельвеция, Гольбаха спиритуализму был противопоставлен материализм, определяемый как учение о вечном существовании бесконечной и неисчерпаемой материальной природы, которая исполнена внутренней активности, вся находится в движении и постоянном изменении, порождая из своего лопа все наличные формы бытия, вплоть до самых сложных. Родоначальником материализма названные философы считали Демокрита, а свое творчество рассматривали как продолжение линии, начатой этим древнегреческим мыслителем. Эпикура и Лукреция в античности, Бэкона, Гоббса, Спинозу, Локка, Толанда в новое время они относили к последователям Демокрита, выявляя таким образом развитие материалистической линии в истории философии. При этом они приходили к заключению, что материализм и спиритуализм представляют собой два главных философских направления, разветвляющиеся на множество своих конкретных проявлений.

Французские материалисты осознали и тот факт, что материализм и спиритуализм являются антиподами, между которыми постоянно разворачивается борьба и невозможно никакое примирение. Полное теоретическое торжество материализма считалось его французскими приверженцами XVIII в. закономерным и близким финалом философской борьбы. Существенной чертой материализма эти мыслители считали его враждебность по отношению к религии, его атеистическую направленность. Силу материализма они видели в том, что это философское учение по своей сути неразрывно связано с развитием науки, опирается на достижения естествознания и всех других научных дисциплин, давая верное истолкование смысла научных открытий.

В трудах Ламеттри, Дидро, Гельвеция, Гольбаха материалистическое решение труднейших философских проблем середины XVIII в. органически сочеталось с критикой спиритуалистическо-теологических спекуляций, выражавшихся в попытках выдвинуть чисто рациональные аргументы, которые бы независимо от религиозной веры доказывали, что бог действительно существует. В XVII—XVIII вв. наибольшим авторитетом пользовались так называемые апостериорные доказательства бытия бога, которые, в сущности, восходили еще к богословским аргументам Фомы Ак-

винского (XIII в.), но были впоследствии переосмыслены и модернизированы применительно к естественнонаучным представлениям нового времени. Суть их сводилась к тому, чтобы от осмысления существенных сторон и законов материальной природы перейти к заключению, что она непонятна без признания реальности высшего сверхъестественного существа, бога, как творца и устроителя мира. Таким образом, сам научный опыт должен был давать непроверяемые и открываемые разумом основания для веры в бога. Со стороны теологов это была попытка «приручить» новое естествознание, которое со времени великого космологического открытия Коперника выступало в качестве крайне разрушительной по отношению к библейским представлениям силы. Реальные трудности, возникавшие при часто механистическом подходе к пониманию природы из нее самой, толкали к теологическим псевдорешениям проблем бытия даже таких корифеев нового естествознания, как Галилей и Ньютон, уверенных в необходимости божественного толчка для объяснения наблюдаемого в природе движения. В качестве объективно обусловленного парадокса в развитии нового естествознания Энгельс отмечал, что в XVIII в. «наука все еще глубоко увязает в теологии. Она повсюду ищет и находит в качестве последней причины толчок извне, необъяснимый из самой природы. Если притяжение, напыщенно названное Ньютоном всеобщим тяготением, и рассматривается как существенное свойство материи, то где источник непонятной тангенциальной силы, которая впервые только и осуществляет движение планет по орбитам? Как возникли бесчисленные виды растений и животных? И как, в особенности, возник человек, относительно которого было все же твердо установлено, что он существует не испокон веков? На все подобные вопросы естествознание слишком часто отвечало только тем, что объявляло ответственным за все это творца всех вещей. Коперник в начале рассматриваемого нами периода дает отставку теологии; Ньютон завершает этот период постулатом божественного толчка. Высшая обобщающая мысль, до которой поднялось естествознание рассматриваемого периода, это — мысль о целесообразности установленных в природе порядков, плоская вольфовская телеология, согласно которой кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 349—350.

Свои атеистические выводы французские материалисты должны были поэтому строить в полемике не только с теологами, но и с некоторыми авторитетнейшими естествоиспытателями. В отношении современного им естествознания французские материалисты сумели занять единственно правильную позицию, которая сама явилась крупнейшим достижением развивающейся философской мысли: постоянно и неуклонно опираясь в своем понимании природы на естественнонаучные открытия (прежде всего, хотя и не исключительно на физику Ньютона), французские материалисты самостоятельно выявляли их мировоззренческий смысл и приходили к обоснованным материалистическим заключениям.

Весьма ярко все это проявилось в трактовке французскими материалистами проблемы отношения между материей и движением, которая была одной из центральных в философии и естествознании нового времени. Основоположники классической механики Галилей, Декарт, Ньютон склонны были толковать ее законы, в особенности закон инерции, в том смысле, что они якобы свидетельствуют о внутренней пассивности материи. По их мнению, хотя материя повсеместно находится в движении и наблюдаемый в ней покой является лишь относительным состоянием, она по своей сущности способна лишь получать, сохранять и передавать движение, но не в состоянии сама быть его источником, порождать его. Отсюда представление о необходимости внешнего толчка, который в изначальный момент времени приводит в движение материальный мир; бог рассматривался в качестве силы, которая дает такой первотолчок.

В противоположность этой весьма авторитетной точке зрения, французские материалисты выдвинули веские соображения в пользу того, чтобы в самой инерции видеть выражение внутренней активности материи. Развивая мысль Толанда о неотделимом от материи «существенном» движении и снимая деистические непоследовательности в ее проведении, французские материалисты начали отходить от чисто механической трактовки движения. Дидро и Гольбах определяли движение как постоянно присущую каждому материальному телу силу, которая воздействует на окружающие предметы и в случае недостаточного противодействия с их стороны приводит к перемещению данного тела в пространстве. Выступая против субъективистской интерпретации качественной определенности материальных тел,